Отдельно не продается № 5 (17) Цена 25 руб. вместе с № „Рабочей Газеты".

КРОКОДИЛ

Москва Воскресенье, 24 сентября 1922 г.

Рис. Д. Моора.

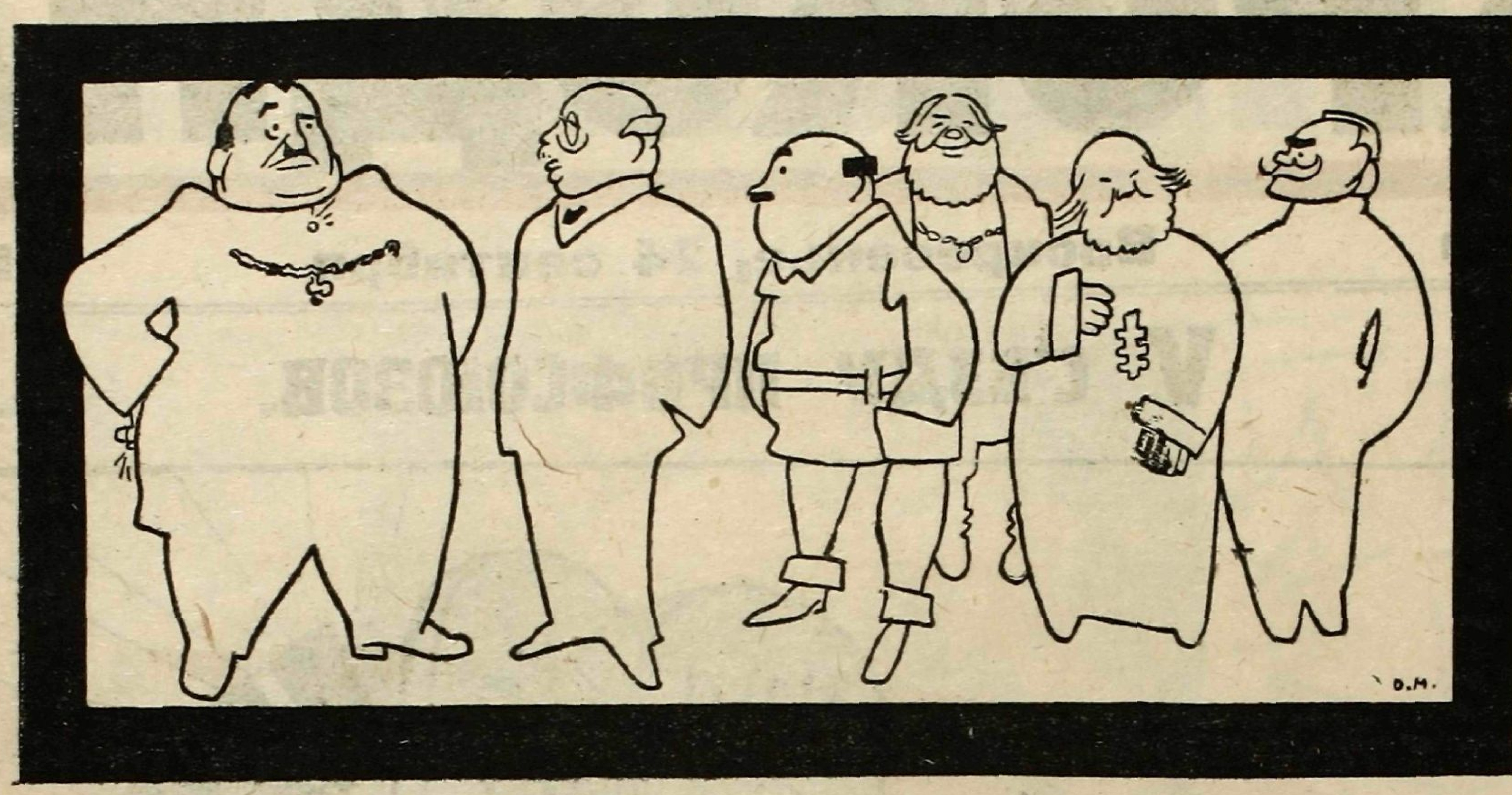
V С'ЕЗДУ ПРОФСОЮЗОВ.



Будь на страже!

К выборам на Всерос. С'езд Советов.

Рис. Д. Моор.



Лишенные права выборов.

Рабочий без профсоюза—сирота.

Не свалив нас силой внешней,
Живоглоты — упыри
Уповают, что успешней
Подорвут нас изнутри.

Есть рабочие из стали.
Есть михрютки — простецы,
И таких буржуи стали
Брать искусно под уздцы.

Голова, обычно, с толком
И мошенник продувной,
Средь рабочих бродит волком
Их былой «отец родной», —

Хвост прижатый, не трубою,
И примятые бока, —
Твердой почвы под собою
Туз не чувствует пока:

Верит «счастью» и не верит,
И, глаза скосивши вбок,
Осторожно лицемерит:
— «Так-то, братец... Голубок!..»

Но расценку скупо ставит.
Недовольных с глаз долой, —
И все круче, круче давит
Нестерпимой кабалой.

Простофиля ж чешет темя:
— «Ну ж, хозяин... Провались...
Вот пришло какое время!
Неча молвить, дождались!».

И скулит тоскливо, нудно...
Полюбуйтесь на... борца!
Удержаться, право, трудно
От ядреного словца!

Чтоб не быть покорной пешкой,
Где хозяин — важный туз,
Простофиля — друг, не мешкай,
Запишися в профсоюз!

Профсоюзная забота
Для рабочих — верный щит:
Так иного живоглота
Приутюжит: запищит!

Власть раз'евшегося пуза
Одиночкам лишь крута.
ЗНАЙ, ТОВАРИЩ, БЕЗ СОЮЗА
ПРОЛЕТАРИЙ — СИРОТА!

Против нэпмановской шайки
Ты на первых же порах
Без союзной крепкой спайки —
Так, песчинка, пыль и прах.

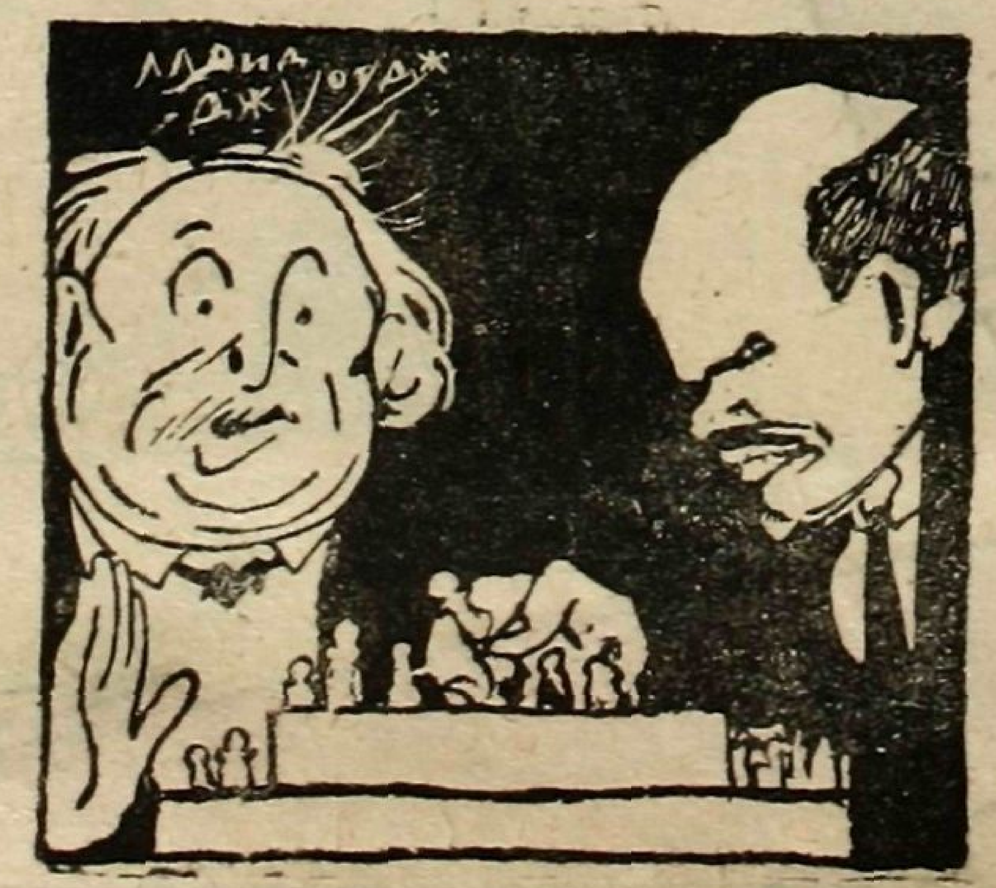
Друг, проникнись правдой этой,
Наматай ее на ус, —
Зря на «время» ты не сетуй,
А вступай скорей в союз.

Вступишь, грудь броней прикроешь.
Без союзной же брони,
Ежели в землю нос зароешь,
Не других, себя вини!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.







Шахматная партия.

Мое Наркомство.

Меня сделали наркомом. Каких именно дел, я, по правде сказать, не спросил: при моих способностях, вопрос этот не имел существенного значения.

Мои первые шаги на новом поприще были проникнуты мудростью.

Прежде всего я поспешил удостовериться, есть ли у меня зам и секретарь. Оба оказались в наличности. Это обстоятельство привело меня в состояние полного душевного равновесия.

— Запишите, товарищ, мои приемные дни и часы,—отдал я распоряжение секретарю:—вторник, четверг и суббота, от 10 до 4.

— Так много?—удивился секретарь.

— Совсем даже немного,—снисходительно возразил я.—В эти дни и часы я расчитываю поработать. По вторникам вы будете говорить посетителям, что меня экстренно вызвали на заседание Малого Совнаркома, а по субботам—Среднего...

— Но Среднего,—заметил секретарь,—кажется, не бывает?

— Не надо, если не бывает. По субботам я буду во ВЦИК или в ВСНХ.

Заму я сказал:

— По понедельникам, средам и пятницам ко мне будут, конечно, проникать те посетители, от которых не помогают никакие приемные часы. Должен предупредить вас, товарищ, что я—человек мягкий. Отказывать я не могу. Кроме того, и неудобно это, чтобы нарком отказывал посетителю... Поэтому я на всех бумажках буду писать: «Согласен», «выдать», или «всемерно поддерживаю». Но из этого не следует, разумеется, что...

— Ну, само собой разумеется!—ласково остановил меня зам.—Можете писать все, что хотите: без визы заведующего Общим Отделом, или моей, это не имеет никакого значения... Кто же будет считаться?...

Последняя фраза немножко не понравилась мне. Но зато я понравился и заму, и секретарю. Зам не сделал мне никаких замечаний, а секретарь даже сказал:

— Можно подумать, будто вы всю жизнь были наркомом. Теперь вам надо только написать какую-нибудь рецензию в газету или сочинить пьесу.

К сожалению, я не сделал ни того, ни другого. Вместо этого мне захотелось пройтись по наркомату и посмотреть, что в нем делается.

Своего намерения я не скрыл. Тогда от меня тоже не скрыли, что порядочные наркомы беспорядков не делают:

— Помилуйте, товарищ, вы только всех служащих перебулгачите! Где-ж это видано, чтоб наркомы по наркоматам ходили? Если вам что-нибудь интересно, то вы можете вызвать заведующего Общим Отделом...

Я вызвал.

— Чем могу служить?—сухо спросил у меня заведующий.

— Вот в чем дело, голубчик,—сказал я мягко:—волокита у нас в наркомате! Многие жалуются... Посмотрите: эта входящая бумажка шла по наркомату два с половиной месяца и прошла через сорок семь подписей! Надо что-нибудь сделать.

Зведующий Общим Отделом пожал плечами:

— Что же тут делать? Порядок прохождения бумаг—он известный. Бумага правильно шла. Как надо ей, так и шла. Иначе нельзя.

— Уж и нельзя?...—усомнился я.—Смотрите: здесь сорок семь подписей сорока семи должностных лиц. Сократите штаты на сорок шесть человек, оставьте одну подписочную должность,—все равно, высшую или нисшую,—и...

Заведующий молча повернулся и вышел.

Из-за двери ко мне донеслось:

— Сажают вот этаких... Порядка прохождения не знает, а туда же! Нет уж, пускай поищет другого заведующего...

Минут через пять ко мне вошел сумрачный и взволнованный зам:

— Поздравляю! Наделали дел! Заведующий Общим Отделом говорит: «Поищите другого»...

— А вы бы и поискали...—предложил я.

— Нет уж, благодарю вас! Можете поискать себе другого зама. Где я найду заведующего, который знал бы порядок прохождения бумаг и форму приказов? Это вам—не наркома найти!..

Слава обо мне быстро разнеслась по всему наркомату.

Когда я, сгибаясь под тяжестью портфеля, шел к выходу, какая-то совбарышня язвительно прошипела:

— Нарком-ом называется!.. В порядки ему вмешиваться надо! Нет уж, пускай другую поищет помощницу регистратора...

А на нижней ступеньке лестницы меня догнал возглас:

— Рабкринщик нашелся какой!.. Одно скажу: может теперь другую курьершу себе искать...

В наркомат я не вернулся.

Грамен.

■ ■ ■

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ.

Совбур.—Подоходный!.. А где нынче места-то доходные? Хоть мою должность взять: не то что «доходов»,—«благодарности», и той ни с кого не получить!

■ ■ ■

Рис. Ив. Малютина.



„Оптовик“.

Вознесенье Крокодилово

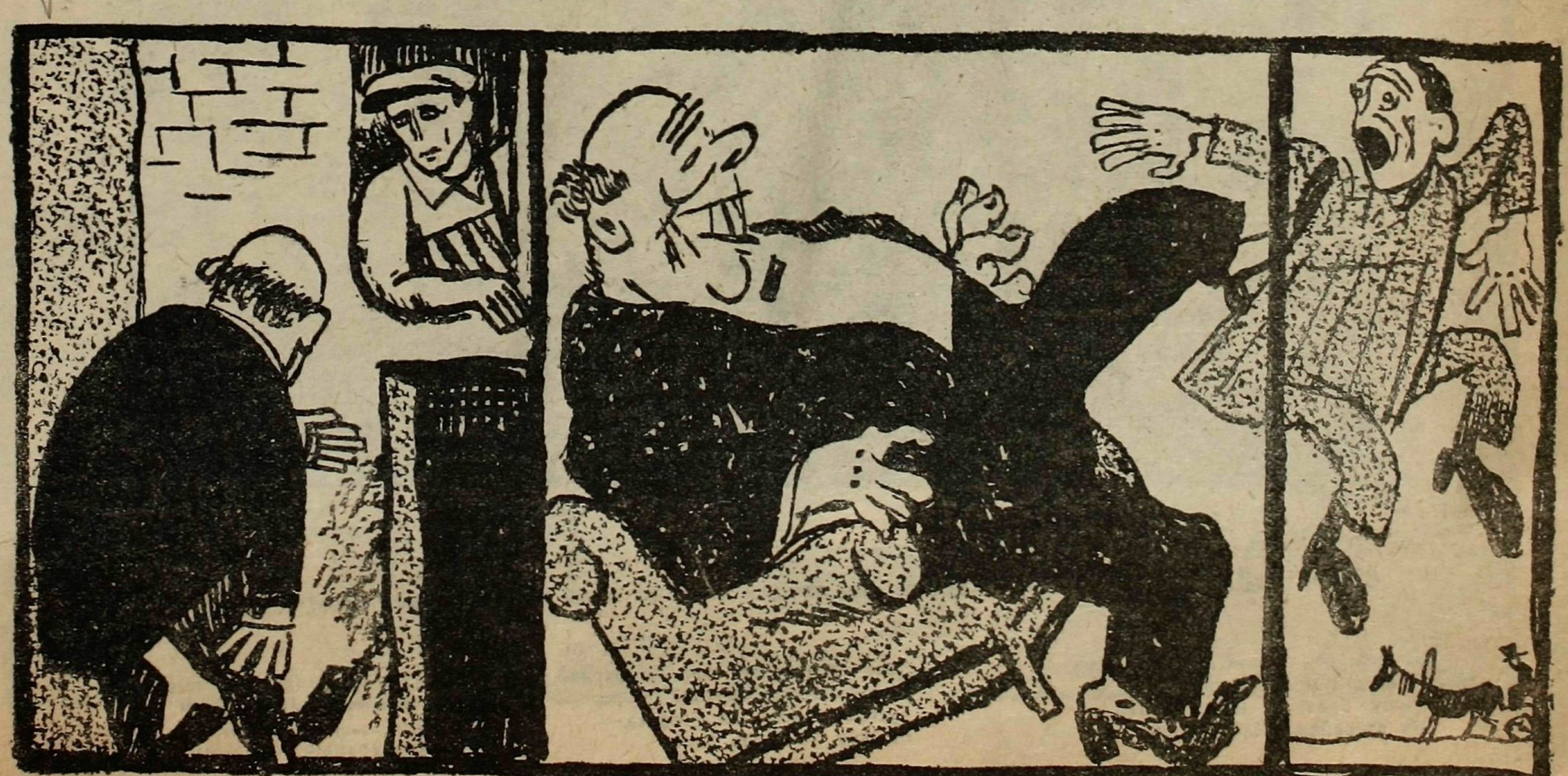
(См. № 4-й „Крокодила“).

На редакторском совете
В крокодильем кабинете
И унынье и тоска.
Слезы льются в три платка,
Смотрят все в окно уныло—
Нет, не видно „Крокодила“...
— Где бы мог он там застрять?
— Уж не помер ли?
— Не пришлось бы отпевать
В этом номере“.
Вдруг в окно упала прямо
С самолета телеграмма:
— Предлагаю не тужить:
Жив, живу и буду жить.
Шлю привет вам из за тучи.
Выпускайте номер лучше.
Прокоптив все небеса,
Скоро буду с вами сам
Расскажу про приключенья,
Про мученья вознесенья
И „друзьям“ в подарок сам
Всем к зиме „по шапке“ дам.

Крокодил.

Буржуазия и лумпен-буржуазия всячески выживает рабочих из хороших квартир.

Рис. И. Малютина.



Пусти буржуя в дверь—сам вылетишь в окно.

РАБФАКОВЦЫ.

(Маленькое исправление Некрасова).

Рис. Черемных.



РАБОЧИЕ: Здесь читают лекции?

СТАРЫЙ ПРОФЕССОР: Здесь лекции для студентов. Вам надо пройти через комиссию на Рабфак.

... Ноги босы... шея гола
И едва прикрыта грудь.
Вижу, брат: из Комсомола?..
Ну старайся... Как-нибудь.

День—в тревоге, ночь—в бараке..
А зато—какой фасон!
Будешь, братец, на Рабфаке,—
На яву увидишь сон!

Не рожден, брат, ты в сорочке,—
И возьмут тебя в пинки,
Буржуазистые «дочки»,
Буржуазные «сынки»

По прямой дороге.

Китай согласен вести переговоры с Р. С. Ф. С. Р.

Рис. И. Малютина



— Направо пойдешь в Америке пропадешь, налево пойдешь—в Японии пропадешь, прямо пойдешь — счастье найдешь.

Капитан дальнего плавания.

Рис. Бор. Ефимова.



Как миленочек пройдет,—
Посмотри честной народ
Глянешь,—не нахвалишься
И с катушек свалишься.
Кортик, рупор и секстан,
Потому, он капитан,—.

Волк морской двиствительно
„Шкипер" положительно!
Мил уходит в дальний путь,—
Чай, вернется как нибудь
Меж Москвою и Рязанью
Не придется утонуть.

Запрос редакции „Крокодила".

Мы, члены партии, просим редакцию „Крокодила" раз'яснить, что означает помещенная в № 4 (16) журнала „Крокодил" заметка под заголовком „Киты и Левы"?

Партбилеты: №№ 114057, 114116, 41645, 1188660, 117443.

„Рабочая Москва".

■ ■ ■

Доклад „Крокодила" Партбилетам.

По кито-львиному запросу.

— Мама, лёвы очень кусачие?

— Очень. Веди себя смирно, а то они непослушных детей целиком глотают.

Разговор в Зоологич. саду, у львиной клетки.

Лев — „царь животных". Он силен, отважен и горд. Когда в ночной тиши девственных лесов раздается его могучее рыкание, умолкают все звери и прячутся в непроходимую чащу.

Из старой хрестоматии.

Кит — „царь морей", самое крупное морское животное. Достигает в длину до 45 метров. Киты питаются мелкими моллюсками и другими животными раскрыв пасть и заглатывая их массами, причем их зубы, называемые китовым усом, представляют целую сеть длинных роговых пластинок, задерживающих в пасти кита пищу.

Из старой хрестоматии.

Кит Китыч двуногое животное, питается и жиреет, заглатывая массами трудовой люд. Водится в капиталистических странах. Забегает и в соседние.

Из новой хрестоматии.

ТЕЗИСЫ:

Иллюстрация к докладу в мировом масштабе будет дана в следующем номере „Крокодила".

Очевидно, заметка „Киты и Левы" имеет эволюционное значение сначала господствовали в нашей стихии Киты, конечно Китычи, ибо дети Китов. С размножением левов, китам стало плохо и они почти исчезли. Куда они делись?—мы не знаем: разно говорят. Но один Кит Китыч ходит еще по Трубе, Сухпродкоме, видели его и в других местах Было-бы приятно, если-б и он в конце концов стал львиной добычей

„Крокодил".

P. S. Писатель, некий Кузьма Прутков говаривал: „гляди в корень!" Так как товарищи Партбилеты глядят даже под корень, то-есть много лучше, то „Крокодил" просил-бы не отказать в раз'яснении, что означает слово „ригористы"? Прислали нам одну статью с таким заглавием, а что сие значит—не знаем. Не понимаем также, „почему сие важно в пятых?".



Обыкновенная история.

(Рассказ назидательный и поучительный).

I.

Когда Еремин получил, наконец, комнату,— он долго не верил своим глазам. Дергал себя за волосы, за уши, комната оставалась комнатой. Получил он комнату прямо-таки чудом. Умер товарищ, у которого он ночевал последний раз.

Еремин с семьей оказались под кровом. Четыре стены, потолок, даже стекла были почти все целы. Правда, если бы в комнате поставить стол, стул и кровать, то на кровать пришлось бы ходить через стол. Но у Еремина не было ни кровати, ни стола, ни стула, а кроме того, как рабочий авиозавода, Еремин твердо верил в будущее воздухоплавания.

II.

На другой день пришел мальчишка из жилищного товарищества и представил счет: за непрописку в течение одного дня, за прожитие этого дня, за чистый воздух, за отопление, за освещение, за ремонт и... пеню за недостаточно скорый взнос денег.

Еремин обалдел. Он мрачно взял счета, повертел их в руках, нахлобучил шапку, не сказал ни слова, и двинулся в жилищное товарищество...

Еремин был человек суровый. Когда ему об'яснили, что за отопление с него следует, потому что председатель жилищного товарищества топил ванну, — сгреб со стола пресс, мрачно посмотрел на него и... устроил освещение на лице у председателя. Фонари вышли хоть куда.

Председатель, здоровенный мужчина, бывший лабазник, верил в торжество воздухоплавания не менее Еремина, потому что через две минуты Еремин летел с лестницы по способу Юнкерса.

III.

Через неделю на скамье подсудимых в Народном Суде сидел председатель жилищного товарищества.

Народный Суд разговаривал недолго. Сумма, которую пришлось ему уплатить за эксплуатацию жильцов была точной копией суммы всех сумм, которые стояли в поданных Еремину счетах.

Избах.

Частушки.

Поступивши спецем в трест,
Буду первой спицей я,
Там сам чорт меня не с'ест,
Коль не с'ест юстиция.

Мил, крича, что он «краскуп»,
Служит пролетарию,—
Выворачивать тулуп
Покатил к Макарию.

По Охотному ходил
Без призора «Крокодил»
И с враждой свирепою
Обжирался нэпою..

Милый нюнит, словно баба,
Продал брюки и жилет,
Не любите девки шкраба:
В Наркомпросе денег нет.

Нынче взяткам нет пардона,
Наркомюст их хлоп да хлоп...
Дам контролю три лимона
И доеду к Конотоп.

Франт наткнулся на трамвай
И ушел с аварией,
Знать спознался через край
С Новою Баварией.

Ман.

■ ■ ■

Революция в благородном семействе.

Квартира была обширная и наполнял ее народ, занятый делом: Маман, Павла Николаевна Авксентьева, нюхала спирт, Вова отбояривался от Всеобуча, Лялечка ждала жениха, 10-ти летний Жоржик бегал к профессору учиться писать по старой грамматике.

В кухне, под видом родственницы, жила кухарка Варварушка, которая мыла, стирала, готовила обед и исполняла другие пролетарские работы.

Все шло превосходно, но... в один нехороший день нежданно негаданно вдруг явились... „они".

„Они" сосчитали наличный состав живущих, сосчитали сажени и заявили:

— Одна комната у вас лишняя!... Мы вас уплотняем'....

К вечеру в комнату переехал, человек другого мира... рабочий.

На ногах у него были смазные сапоги, на голове кепка, в зубах трубка, в кармане махорка. Он улыбался и голос его гремел, как труба

И вместе с запахом „махорки" в благородное семейство вошел тлетворный дух революции

Раным рано, умываясь в кухне, рабочий говорил Варварушке:

— В прислугах живеш?..

— Сродница, батюшка!..

— Фью, фью-фью!.. Оно похоже.. А жалованье платят?...

— Какое там жалованье, кормилец'... Из хлебов.. Когда обносочек какой барыня даст...

— Бить тебя, баба, некому!.. У нас на фабрике последний мальчишка ученик получает пол отни лимонов... Да работает не с твое, а как подросток: 4—6 часов...

После двух трех таких разговоров у крана, Варварушка стояла перед барыней и говорила:

Никак сударыня, невозможно мне у вас без жалования служить... Сами посудите обувь, опять же одежа.. Я у вас и так вся обтрепалась.. Нынче мальчишка на фабрике и тот...

Павла Николаевна раскричалась, слегла в постель и три дня говорила исключительно на тему о „народной испорченности". В конце концов, она принуждена была назначить Варварушке жалование.

Жоржик, под негласным покровительством Варварушки, свел с рабочим дружбу. Каждый вечер, тайком, он пробирался в его комнату, отвинчивал тиски, трогал гайки, требовал тысячу об'яснений.

— Это что!—говорил рабочий.. Ты вот приходи к нам на фабрику, так я тебе не то еще покажу. Там вот таких мальченок, как ты, учат настоящему делу... Математику, брат, проходят не как у вас, а по настоящему, как ее на дело применять... А ты так и прокиснешь на своем яте..

Иногда с Жоржиком, дрожа, чтобы не увидела „маман", приходила и Ляля. И расспрашивала она, и дивилась тоже ничуть не меньше Жоржика.

Через две недели началось „ученическое движение". Жоржик пред'явил маман ультимативное требование:

— Не хочу больше учить проклятую ять!!... Отдавай меня в настоящую школу.

Потребовался целый пузырек валерьянки, чтобы привести Павлу Николаевну сколько нибудь в себя.

Но дух революции захватывал все новые и новые жертвы:

Через три недели пред маман стоял Вова:

— Маман,—говорил он плачущим голосом,— Это невозможно, маман... Я... Я решил не тратиться более на медицинские свидетельства и поступить в этот... как его... Всеобуч...

После ахов, охов, проклятий по адресу большевиков и пожеланий им всяческих напастей, Вова поступил во Всеобуч, эту первую ступень красной армии.

Наступило временное затишье. В женское движение, в лице Ляли, Павла Николаевна не верила.

— Дорогая моя девочка!—думала с нежностью Павла Николаевна в бессонную ночь сидя у окна и смотря в маленький садик.—Подожди, все еще наладится. Придут, наши, и барон Фон-Шпевкель несомненно возобновит свое предложение..

Вдруг она дико вскрикнула и остолбенела. То, что она увидела в полумраке аллеи, было страшней приведений. Там, там... стояли Ляля и рабочий и... и... целовались.

М. Андриевская.



На ст. „Лихоборы" Моск. Окружн. ж. д., нет ни воды, ни света. Прошло уже 2 года с тех пор, как было возбуждено ходатайство „о воде и свете" — и до сих пор все по старому.

„Гудок".

Рис. Б. Ефимова.

ДИОГЕН: — Возьми, товарищ, мой фонарь, человека я все равно не нашел, — а тебе он пользу принесет.

Безумие Европы.

В кабинете Американского капитала стояли француз, англичанин и итальянец и горячо просили оплатить счета.

Капитал волновался.

— Вы все там с ума сошли! Все деньги, которые я вам даю, вы тратите на вооружение! Ведь вы уже не маленькие, пора и за ум взяться. Это черт знает, что такое!

— Какое вооружение?—искренно изумились все трое посетителей.

Да провались оно сквозь землю—мы и думать о нем забыли!

— А ваши новые аэропланы?

— Так разве-же это вооружение?—засмеялся итальянец. Это мы для ловли бабочек строим. Есть такие бабочки: высоко, высоко летают, никак их без аэропланов не поймаешь. А детишкам хочется. Вот и приходится аэропланы строить.

— А подводные лодки?.

— Хи-хи-хи!—засмеялся француз.—Он думает, что подводные лодки это вооружение! Да это просто аппарат для ловли самых обыкновенных сардинок. Вот! Не желаете ли? Свеженькие!

И он вынул из кармана банку маринованных сардинок:

— Ну какое же это это вооружение?

Американец волновался все больше и больше.

— А ваши удушливые газы?

— От комаров. Малярию уничтожаем. А также от налета саранчи с востока...

— А ваши танки?

— Для выравнивания местности.

В передней англичанин чуть не избил француза:

— «Сардинок ловишь»—сволочь! Погоди я для ловли крабов дредноут построю—не поздоровится твоим сардинкам.

— Сам хорош—огрызнулся француз.—Местность ему нужно танками выравнивать. Подожди я тебе для ловли блох такую штуку закачу, что только пыль одна останется от твоей местности.

В. КУМАЧ.

Праздник

Рис. Д. Моора.



. ПОЛЕ.

Хлебосей Евсей,
Золотое поле сей.
На широкой полосе
Соберутся девки все
Весны править,
Кучерявить
Копны-волосы в овсе.
Поле косами косить,
Копны золота сносить,
И граблями вороха
Поворачивать.

II. УРОЖАЙ.

Уж как на поле-то рожь раскудрявилась,
Раскудрява-кучерява кучерявилась,
Золот колос налила,
Стан в цветы перевила.
Как ее ли колотить,
Как ее ли молотить,
Буду звонкими цепами
Вымолачивать,
Как ее ли на гумне
Молотить отрадно мне,

урожая.

В Колонном зале Доме Союзов состоялось празднование урожая.
Необходимо праздник урожая устраивать повсеместно.
„Правда“.



Батогами,
Да цепами
Выколачивать,
Ах, накачивай-качай,
Ах, качай
Выручай,
Золотое зерно
Вымолачивай!.

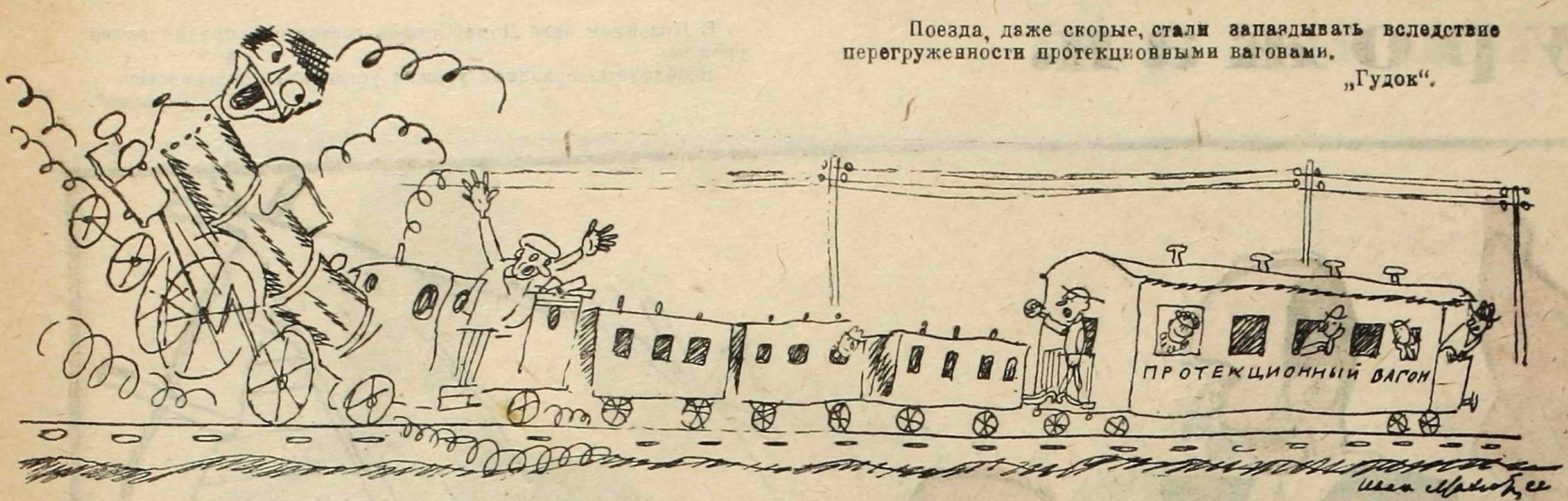
III. ПРОДНАЛОГ.

Вороти, Вороти.
Все дороженьки пути
Нас ведут на поля,
На лиловые поля,
Где цветет голубая,
Золотая земля.
Каждый первый умолот
В райпродком повезет,
А второй умолот
По амбарам уберет.
У продкома-то (беды)—
Во какие череды!
Кто управиться мог
Отдает продналог.

Мих. Артамонов.

Поезда, даже скорые, стали запаздывать вследствие перегруженности протекционными вагонами.

„Гудок".



...Сто мешечников отважных
У колес на буферах.
Сто теплушек, два багажных,
Паровоз на всех парах...
Были дни: без разговору
Работяга паровоз
И под гору, и на гору
Службу очень честно нес.

Сто теплушек, триста классных,—
Ничего! Пыхтел, но пер.
А теперь—в трудах напрасных
Уперся и начал спор.
— Что я: каторжный вам что-ли?
Что я: вол или битюг?
От такой несчастной доли
Скоро выйдет и каюк.
Тише фуры одноконной
Сонный тянется удав,—

Если сплошь протекционный,
Сплошь с протекцией состав.
Хоть убейте, нету мочи!,
Хоть бросайте под откос,—
Я вам больше не рабочий!
Волком воет паровоз.
— Я без сил!.. Изнеможенный,—
Хуже дохлого коня.—
— ...Господин протекционный,
Отцепитесь от меня!!!

Борьба с лихоимством.

(Рассказ об одной маленькой взятке).

— ...Не подмажешь, не поедешь!...—сказал, сокрушенно вздыхая, сцепщик вагонов.—Уж это так. Не нами оно заведено...

И закончил:

— Покорнейше благодарим. Будьте покойны-с!

О том, что сцепщик взял взятку, узнал составитель поездов. Он позвал сцепщика и внушительно заявил:

— Ты, брат, тово... Имей в виду: нынче на этот счет лютость пошла! Предписано, чтоб неусыпно следить, и чтоб рука руку... гм... одергивала. А как есть я твое ближайшее начальство, то и обязан тебя соблюдать в полной строгости декретных постановлений. По всей предусмотренности! Сам знаешь, чем оно пахнет!

— Дык ведь господи же!...—обиделся сцепщик:—ды неужто же мы без понятия? Тоже, вить, не вовсе бесчувственные...

И полез в карман.

Но составитель поездов сказал:

— Это само собой. Об этом не толк. А ты вот что: литеру Н 317, что с Лихошерстовским рисом, к к седьмому номеру не в очередь прицепи. Будто ошибочка вышла. А мое дело—сторона: не сто глаз у меня! Вот, к примеру, благодарность ты взял: мне откуда об этом знать? Рази за всеми углядишь?...

Вечером дежурный по станции внушал составителю поездов:

— Вот какая штука: насчет даяния очень строго теперь. Читали приказ? Сквозь пальцы смотреть нельзя! Теперь нужно, чтобы, так сказать, рука руку... гм.... останавливала. Вы думаете, я что: ничего не знаю? Все знаю, мой дорогой! И почему рис Лихошерстовский вне очереди пошел, и многое другое... Слепой я, по-вашему?

— Вы у нас, известно, орел!...—умилился составитель поездов.—Кто, кто, а вы завсегда—сквозь землю на три аршина!

И, вздохнув, добавил:

— Вот-с, изволили на перроне дензначок обронить... Позвольте вручить по принадлежности!

Но дежурный по станции сказал:

— Спасибо... только не в этом дело. Штука-то вот какая: от семнадцатого номера вы вагоны Центросоюза отцепите—и на запасный. Паровоз слабосильный: вот штука какая!... И ни в какие переговоры с уполномоченным—ни боже мой: ко мне пусть зайдет! Понимаете?....

Рассказ, собственно говоря, далеко не кончен. Можно было бы продолжать его. Но некоторые начнут жаловаться и роптать... что рассказ слишком длинен.

Н. Иванов.

У памятника Достоевскому.



—Ты смотри,—я не просто гулящая, у меня билет есть из Рабиса.

ПРОЛИВЫ.

С победным возгласом: «нажива»!..
Антанта села у пролива,
По шее туркам дав...
Ах, у Антанты есть десанты,
Но хоть разбейся у Антанты,
Нет на проливы прав.

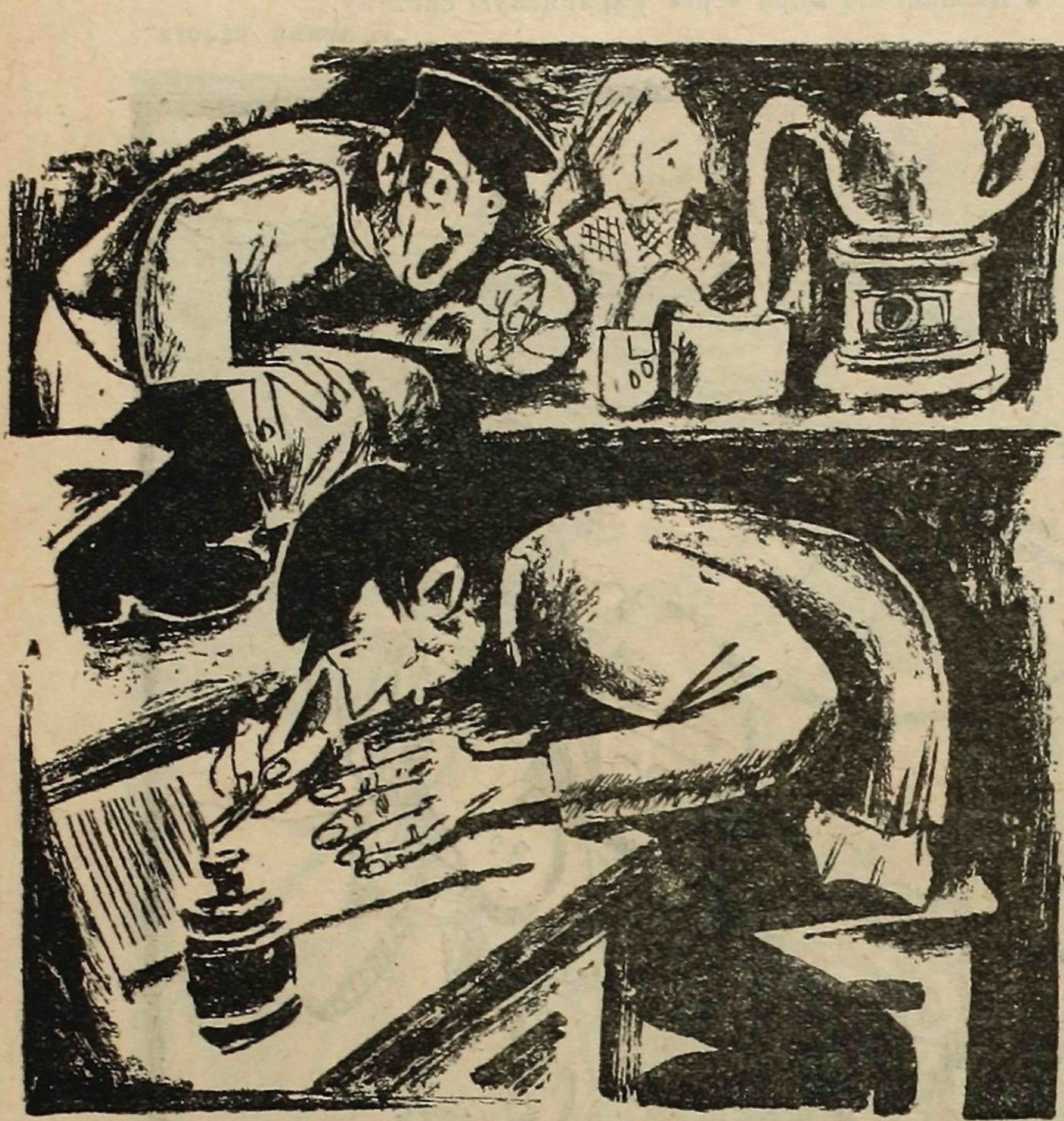
Как продолжать игрушки в жмурки,
Коль повышают голос турки,
Не приложить ума!..
Антанта, бедная старушка,
Боюсь я, у проливов пушка
Заговорит сама!!.

Трещит антантина хламида:
— Бежим поштопаться для вида
В Венецию иль в Рим!..
Твердят в проливе даже рыбы:
— Отсель Антанту не «ушли-бы»,—
Как и ее режим.

П.—ца.

ГЕРОЙ ДОЛГА.

Рис. М. Черемныха.





1\. Товарищ Животов,
Ведет рабочих к свету,
И ц лый день готов,
Писать ст тьи в газету

Там „варят“ там „глушат“,
Там дуются в картишки..
И вот звучит набат:
— Уймитесь, ребятишки!

2\. Идет ему „наказ“,
Сначала будто кротко
— Не трогай, Сенька, нас,
Намнем бока ужотка.

Шлют снова: „Будешь бит,
Сживай так со свету!
А он себе строчит
В рабочую газету.





3\. Озлились—просто страсть,
Замучил всех писака!
Как будто и не власть,
А страшен всем, собака!

Поймали как-то раз,
Избили „лучше нету“!
А Сеня в тот же час
Опять писал в газету.

4\. Не выдержали...—Ну!..
Теперь тебе могила!..
И в ноченьку одну
Пришла большая сила.

И голову напрочь
У Сени оторвали...
Но... он писал всю ночь...
А их арестовали.

По суху-яко по воде.

Рис Ив. Малютина.

Предполагается из Петрограда послать первый пароход в Каспийское море через Мариинскую систему.
„Красная газета“.



— Проволок корабль я бы волоком
И прошел ко великим морям.

(Из оперы „Садко“).

КОБЫЛА.

У Терентича кобыла ноги протянула...

— «Что ты хошь, то и делай»...

Мыслимо ли Терентичу без лошади?..

— Без лошади, што без порток, далеко, паря, не уйдешь.

Терентич, как ошалелый, ровно, кто его дубиной чесанул.

Дело из рук валится...

— А лошадка тапереча звякнет в коопеечку. Оно, конешно, хоша бы немудрящую, а всеш таки лимонами тряхай...

Судит, рядит Терентич, а сам будто пень придорожный—ни туда, ни сюда.

Уж очепно запечалился Терентич.

— Дела, я баю,—говаривал он за обедом супруге законной своей, Дарье Поликарповне, бабенке тощенькой, с глазами круглыми на вылупе, точь в точь; как орехи грецкие,—и надо же ей было дохнуть... а все ты, все ты, баба-дура, виной-те!

— Да, Господь с тобой, окстись, Терентич!...

— Вестимо ты... Лошадь, действительно, животное смышленное, но онуча какая тебе, беспременно уходу просит, а ты дуранду не просекала, може в ее мышь как завялящая,—тварь поганая попала (не будь к обеду сказано).

— Уж, чтоб тебя, весь аппехтит разогнал, уж диви пожрать-то, и то полено в рот сычешь, не мужик, а мужжавель какой-то! Срамник!..

— Ну так как же. Надоть кобылу те нову покупать, чево лясы-то балясы понапрасну точить!... Покупать кобылу-те надоть... Покупать, я баю.

— Вестимо, покупать, а то как-же...

И Дарья Поликарповна, как на зло:

— А кобыла-те, кобыла-те кака была... работящая, безкнутная... диво-дивное, и да и все тута... Царствие ей небесное...

— Кхы! Вот баба-дура. Кобыле и царствие небесное. Дура баба дуй-те горой!

— Ах, ты, прости Господи... Да, ну, погодь,—спохватилась Дарья Поликарповна,—да как же... хоша она и кобыла, порода лошадья, а вить душа-те у ней то же ести. Вестимо, в царствие божье пойдет.

— Полно бабья залупа, да, что ней тамотко делать-то, скажи ты мне на милость.

— Да ты уж что думаешь, будто на том свету лошадев-те нетути... Окстись, а Илья-те пророк на каких рысаках грома-те производит?

— Да у нево не лошади, а кони, зовутся... на крылах в колеснице огненной в небесах летают... рай не видала на иконах-те?...—Разводил руками Терентич, в затылке кудлатом почесыгал, а сам ни с места...

Ни туда, ни сюда.

— Что ты хошь, то и делай.

Дела!..

Весна трудовая взмахнула крыльями зелеными...

Разопрела землица добрая, распухла, как опара ржаная.

И Терентьич повеселел...

— И как это я заранее не смекнул?... Чем корова хуже кобылы?... Еще гоже...

Теретьич недолго судил, да рядил...

Дарья Поликарповна окропила свою буренушку святой водицей, крещенской.

— С богом Терентьич!... Мотри береги пуще глазу:

И поехал Терентьич пахать на корове.

— «Ничего не попишешь»...

Солнце, как румяная сдобная куженька, творогом лучей истекала.

Расползлись тараканами мужики по полям...

Звенит в весеннем воздухе:

— Но-о-о-о!... Милая!... Но-о-о-о!...

У рощицы пашет мужиченка Тимоха Лимон,—(так его прозвали ребята деревенские за храбрость).

Говорят,—он за миллион лугушонка проглотил...

Приложил ко лбу руку Тимоха, чтобы солнце в глаза не плевалось и на дорогу бельма выпучил... Глядит,—там Терентьич едет на корове рыжей.

— Глянь-ка, Егортя!—кричит Тимоха на соседнюю пажню,—Терентьич-то, ты только погляди, на корове едет!

— И впрямь... Хо-хо-хо.... Вот умора-то! Да, што-то он, спятил никак?...

— Да, кто-ж ево ведает?...

— Никак пахать хочет?... Вот дуралей-от... Занятно!...

Терентьич к своей полосе под'ехал.

— Н-о-о-о, буренушка!... С богом, с богом милая. Но-о-о!...

Буренка шагнула тяжело и пошла бодро, ходко...

— Э-э-э-э!...—неслось по полям. Мужики бросали пахоту, бжеали глазеть на чудо-юдо, как, ефто, Теретьич на корове пашет...

Удивительно!...

— Эх, мать твою так, дождались, можно сказать, времячка!... Ничево себе!...

На коровах пахать стали...

— Эх, Терентьич, да штоты чудак-человек, штоты делаешь, ядрена палка?

А Терентьич:

— Ничево, ничево мужички... Земельку чешу... Так понемножку почесываю...

Говорит, а сам шестую борозду зацепил...

Мужики стоят разиня рот и ухмыляются зло:

— На корове?!... А, ты бы, Терентьич, свою бабу запрег, еще гожей было бы...

— Ты, Терентьич и продналог не сдавай. Так-то можно от'егориться, мол, я на корове пахал...

А Терентьич:

— Все сделам... И продналог отдадим... Толечко урожай ба... Все сделам, все... Аккуратенько...

Мужики ротозеют, а Терентьич свое дело знает...

Буренка ходко, хорошо идет...

В душе Терентьича радость теплится.

— Но-о-о, буренушка. Не подгадь, милая... Но-о-о!..

Хорошо Терентьичу и кобылу сдохлую забыл:

— Все сделам... И продналог отдадим, не задержим. Хлебушко уродится и кобылку куплю...

Н-о-о, буренушка!

СЕРАФИМ ОГУРЦОВ.

КУЛИСЫ КАПИТАЛА.

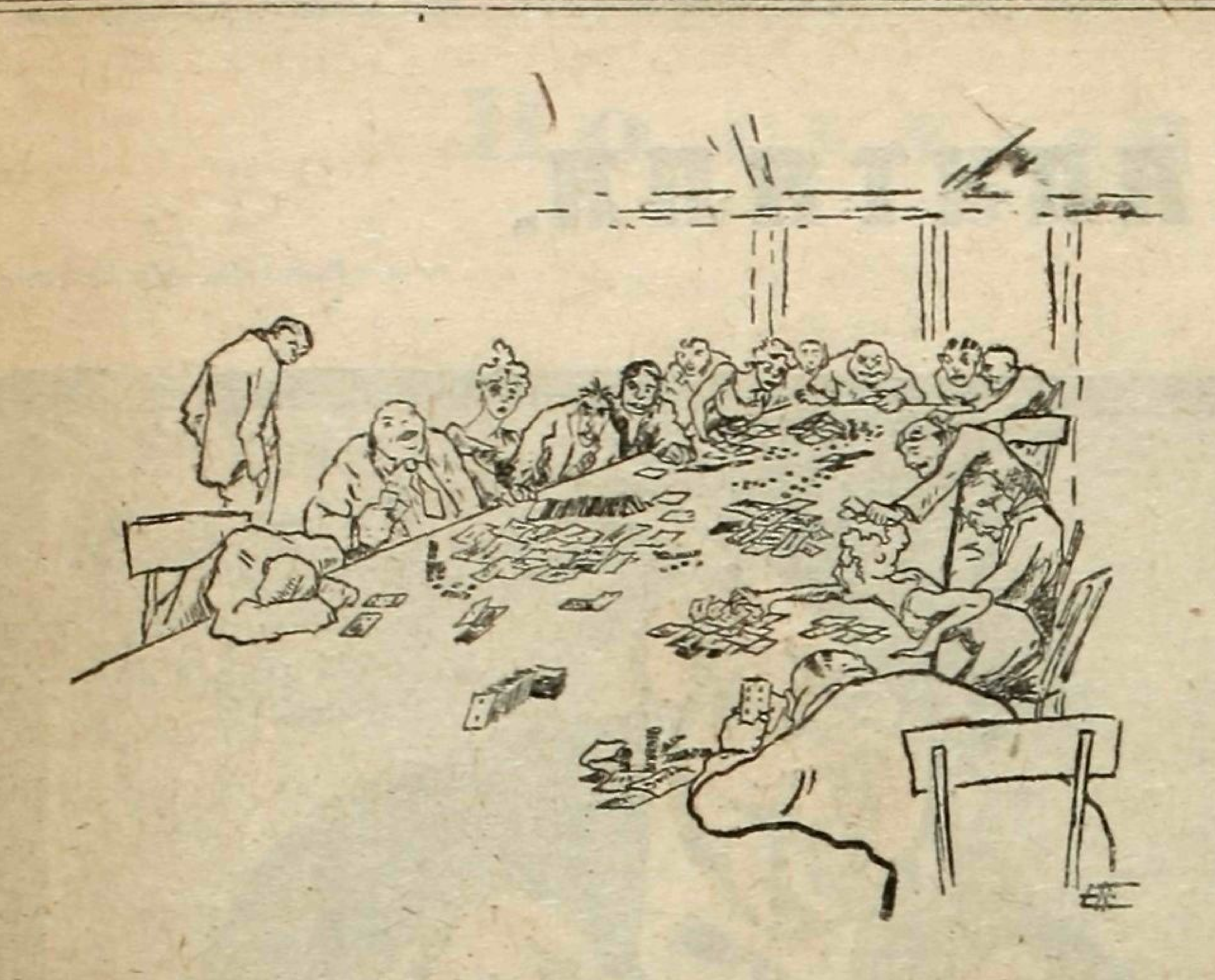
Рис. Ив. Малютина.



Чем тебе не оперетка,
Чем тебе не кабарэ
Как крутят марионетку
Сэр Лойд-Джордж с Пуанкарэ.

Этот—турка, этот—грека
На войну ведет, как скот.
Надоест игрушка,—эка,
Можно и наоборот.

Эй, вы, куклы,—оживите
Надоело! Стыдно вам!
Лучше прочим помогите
Дать по шее дергунам.



„Напечатайте братцы—дайте отыграться“.

От редакции. Выдержка из письма Маяковского крокодильцам.

Общий вид.

Есть одно учреждение
оно
имя имеет такое—«Казино».
Помещается в тесноте—в Каретно ряду,—а деятельность большая—желдороги, банки.
По-моему
к лицу ему больше идут
просторные помещения на Малой Лубянке.

Железная дорога.

В 12 без минут,
или в 12 с минутами.
Воры и воришки,
плуты и плутишки
с вздутыми карманами
вылазят у «Эрмитажа», остановив «дутики».
Две комнаты проплеванные и накуренные.
Столы.
За каждым
сладкий, как патока
человечек.
У человечка ручки наманикюренные
А в ручке у человека небольшая лопатка.
Выроют могилку и уложат вас в яме.
Человечки эти называются «крупьями».
Чуть войдешь
один из «крупей».
прилепливается, как репей:
«Господин товарищ—
свободное место.
Глазки у «крупьи»—две звездочки точки.
«Сколько,—говорит,—прикажете об'явить в банчочке»...
Достаешь из кармана сотнягу деньгу.
В зале моментально прекращается гул.
На тебя облизываются, как на баранье рагу.

Крупье.

С изяществом, превосходящим балерину,
Парочку карточек барашку кинул.
А другую пару берет лапа
Арапа.
Барашек
Еле успевает
Руки
Совать за деньгами, то в пиджак, то в брюки.
Минут через 15 такой пластики
Даже брюк не остается —
Одни хлястики.
Без «шпалера»,
без шума,
без малейшей царапины
разбандирят до ниточки лапы арапины.
Вся эта афера
называется — шмен д'афером.

Рулетка.

Чтоб не скучали нэповы жены и детки,
и им развлечение
зал рулетки.
И сыну приятно
и мамаше лучше:
сын обучение математическое получит.
Об'яснение для товарищей, не видавших рулетки.
Рулетка — это стол,
а на столе
— клетки.
А чтоб арифметикой позабавиться сыночку и маме,
клеточка украшена номерами.
Поставь на единицу миллион твой-ка.
Крупье об'являет —
«выиграла двойка».
Если всю доску изыграть эту,
считать и выучишься к будущему лету.
Образование небольшое
всего три дюжины.
Ну, а много ли нэповскому сыночку нужно.

А что рабочим?

По-моему,
и от «Казино»,
как и от всего прочего,
должны быть польза для московского рабочего.
Сделать
в двери
Дырку-глазок,
чтоб рабочий играющих посмотрел разок.
При виде шестиэтажного нэповского затылка,
руки начинают чесаться пылко.
Зрелище онное —
очень агитационное.

Мой совет.

Удел поэта — за ближнего болей.
Предлагаю
как нибудь
в вечер хмурый
придти ГПУ и снять «дамбле»
половину играющих себе,
а другую
МУРУ.

В. МАЯКОВСКИЙ.

Рис. М. Черемных.

САМОГОННАЯ ОТРАВА.



Погибший с оружием в руках.



СКОТОЛЮБЕЦ ГУКОН.

Жди, Гукон, себе урона,
Если стал рысак худеть...
Но Гукону нет резона
За людей душой болеть.
Там рабочий стал со спичку,
И, противясь смерти злу,
Пьет водичку, ест бурдичку,
Спит в конюшне на полу.
Он не сладок там порядок...
Но не правда ли,—резон:
Чтоб рабочих и лошадок
Поравнял в правах Гукон.

Цех.

У АФИШИ.

— ...Ве-чер... ба-ле-та... Голей-зовского.
— Голей чего?..
— Уж не знаю. Голей-то, кажется, невозможно!

МУДРЕЦЫ ЗАВОДА «БОГАТЫРЬ».

Вся фабрика в волнении,
В монтажном отделении,
Что дождик, то потоп...
Бушуют волны дружные,
Рабочие недужные
По лужам шлеп да шлеп.
К начальству шлют моления...
Заводоуправление
Вниманья нуль на плач:
— Прервите вопли праздные,
Полезны души разные,
Вам скажет каждый врач!!!
Лишь раз, придя в монтажное,
Рекло начальство важное:
— Да, крыша-то... того!..
А вам, чем быть растяпками,
Заткнуть бы дыры тряпками
И больше ничего!!!

ЦЕХОВОЙ.

Хиромант на Твербуле.



— И выйдешь ты замуж за графа.—
Девушка (про себя). **Значит, недаром вчера меня Евграф в беоскоп водил...**

КАК НЕ НАДО СОКРАЩАТЬ:

Государственный ум — в Гум.
Патриарха Тихона — в Патти.
Памятник Пушкину — в Пампушк'у.
Экономическую политику Совнархоза — в Эпос.
Новую экономическую программу — в Нэп.

Р. Ц 1754 7-я типография «МОСПЕЧАТЬ» (быв. Мамонтова).

КРОКОДИЛ

Рис. М. Черемных.

Продовольственное и материальное положение рабочих Донбаса крайне тяжело.
Необходимо оказать Донбасу срочную помощь. „Правда“.



ДВА КРИКА.